

Том 22. Глава 2. Возвращение.

Горы Айне, Пик Малого Бамбука.

Ночь была темна, а небо черным, как застывшая тушь, можно было лишь смутно различить движение густых черных туч наверху, и с этой бескрайней черноты на землю беззвучно падал дождь. Где-то далеко в небе раздавался гром, похоже, что надвигался сильный ливень.

Ученики Айне, отправленные в Южные Границы, вернулись уже несколько дней назад, и Анан, после того, как встретилась со старейшинами Айне по возвращении, сразу вернулась на Пик Малого Бамбука, и больше не уходила оттуда, даже весть о таинственном исчезновении Мастеров Шен Доула и Тянь Болиса как будто вовсе ее не беспокоила.

Строгий, но прекрасный пейзаж Пика Малого Бамбука был все таким же спокойным, как и тысячи лет назад, горы были покрыты зарослями бамбука, и в дождливой ночи все еще был слышен легкий шелест их листьев, как будто они что-то шептали живущим рядом с собой людям.

В маленькой комнате горел слабый огонь свечи.

Створки дверей были плотно закрыты, а окно было открыто наполовину, так что через него был слышен шум горного ветра и дождя. Иногда капли дождя попадали внутрь комнаты и падали на бамбуковый подоконник, медленно превращаясь в капли, которые стекали вниз, оставляя мокрые следы. Издалека подул ветер, створка окна легко качнулась, и в этой тихой дождливой ночи раздался ее легкий скрип.

Огонь свечи на столе тоже покачнулся, то и дело мерцая, и несколько раз даже казалось, что он вот-вот потухнет от ветра, но все же ему удалось выдержать это испытание, и когда ветер стих, огонь снова стал ровным и разгорелся ярче.

В комнате не было других источников света, и чуть дальше от огня свечи уже царила плотная завеса темноты.

Анан сидела у свечи и молча смотрела на огонь.

Слабый свет свечи и прекрасная девушка, в сердце которой как будто собиралась вся печаль на свете. Она молча смотрела на свет и тени, не зная, как долго эта печаль еще будет оставаться вместе с ней.

Снаружи вдалеке раздались легкие шаги, и Анан слегка пошевелилась. Из окна подул порыв ветра, пламя свечи на столе вновь заплесало, и ее прекрасные волосы тоже затанцевали на ветру.

Дверь с низким стуком отворилась наружу, звуки ветра и дождя снаружи вдруг стали громче, словно ветер в одно мгновение усилился и собрался ворваться в комнату, но к счастью в следующий миг кто-то вошел впереди него и захлопнул дверь, вновь отделив тишину внутри от воя ветра и дождя снаружи.

Анан поднялась и слегка наклонила голову. «Сестра, почему ты пришла?»

Гостем оказалась Баако, она посмотрела на Анан, подошла к столу и с легким вздохом сказала: «С тех пор, как ты вернулась на гору, я не видела, чтобы ты выходила из этой комнаты, если я бы не пришла проведать тебя, то так и не узнала бы, что с тобой».

Анан подняла глаза на Баако и увидела, что сестра улыбается ей, а в ее взгляде отражается нежность и забота.

Она тихо усмехнулась и сказала: «Что со мной может случиться, спасибо за твою заботу, сестра».

Баако внимательно посмотрела на нее, увидев что кроме слегка бледного лица Анан выглядит как обычно, и только потом успокоилась и сказала: «Сестра, хорошо, что с тобой все в порядке, но у меня все равно болит сердце, когда я смотрю на тебя в таком состоянии. И еще, ведь после возвращения на гору ты виделась с Мастером всего лишь раз, а потом закрылась в этой комнате, и больше не навещала ее. Не важно, что случилось, но ты не должна обвинять Мастера в душе, ты ведь знаешь, что она вырастила нас всех и так о нас заботится».

Анан покачала головой. «Сестра, о чем ты говоришь, я никогда и не думала обвинять Мастера в чем-то, я просто не решаюсь показаться ей на глаза, я плохая ученица, я боюсь, что она рассердится на меня и от этого заболит».

Баако замерла на миг, глядя на Анан, потом ее лицо стало немного странным, словно она хотела что-то сказать, но все же промолчала и только тихо вздохнула.

В этот момент вдали в небесах сверкнула вспышка молнии, затем раздался удар грома, который эхом пронесся по горам и еще долго звучал вокруг.

Ветер снаружи, кажется, вновь усилился.

Баако нахмурилась, подошла к окну, посмотрела наружу и сказала: «Кажется, дождь снова станет сильнее».

Анан поднялась и тоже медленно подошла к окну, встала рядом с Баако и посмотрела наружу. В ночи две стройные тени так и стояли рядом, глядя в темную ночь и бесконечный дождь.

Вдали зашелестел бамбук, слышался шум дождя по листьям бамбука. На какой-то момент

они словно погрузились в эту тишину и замолчали.

Через какое-то время Баако сделала глубокий вдох, слегка улыбнулась и сказала: «Кажется, мы с тобой уже давно не стояли вот так, глядя на дождь».

В уголке губ Анан появилась легкая улыбка, она произнесла: «Да, я тоже помню, что когда я только пришла в Айне, в самом начале ты, сестра, ухаживала за мной, и когда шел дождь, ночью я очень боялась грома, потому что была еще маленькая».

Она медленно повернулась, в ее взгляде отразилось тепло, а голос стал тише. «Каждый раз сестра была со мной рядом, мы стояли у окна и смотрели на дождь, а ты говорила мне, что бояться нечего».

Баако покачала головой и улыбнулась, протянула руку и нежно провела по волосам Анан, как вдруг из ее груди вырвался вздох. «Как быстро пролетело время, ты уже выросла».

Анан почувствовала как ладонь Баако коснулась ее плеча, и ей передалась частичка тепла.

Помолчав минуту, Анан посмотрела на не и сказала: «Сестра, если ты хочешь что-то сказать мне, то говори!»

Баако замерла, горько усмехнулась и сказала: «Я так и знала, что не смогу ничего от тебя скрыть, ты всегда была такая умная...»

Она подумала минуту, потом все же сказала: «Сестра, твоя мудрость всегда намного превышала мою, но почему же сейчас ты не видишь, или не понимаешь, что зря терзаешь свое сердце?»

Улыбка в уголке рта Анан медленно исчезла, вместо нее появилось знакомое безразличие, но только с Баако она не могла быть холодной, как со всеми.

Анан посмотрела наружу, в темноту ночи, и тихо произнесла: «Но я вовсе не терзаю свое сердце!»

Баако молча посмотрела на нее, но взгляд Анан был направлен куда-то далеко, в самую глубину ночи. Но только голос ее звучал четко и уверенно: «Я никогда не страдала, сестра. Правила Айне предписывают нам ни от чего не зависеть, ни к чему не привязываться, жить со свободным сердцем, посвятить себя культивации, и тем самым обрести бессмертие, разве не так?»

Баако кивнула. «Верно, наш путь культивации очень похож на правила школы буддистов».

Анан осторожно оперлась руками о бамбуковый подоконник, подул холодный ветер, и ей как будто стало холодно. Она поежилась, но осталась стоять на месте, на белоснежных руках скоро появились капли дождя.

«Но зачем мне нужно это бессмертие?»

Баако слегка открыла рот и нахмурилась.

«Я знаю, те предписания, которые остались нам от предков Айне через тысячи лет, не могут быть ошибкой. Если я хочу вырваться из круга перерождения, нужно заниматься культивацией, только так достигается бессмертие. Раньше я тоже так думала, и потому посвятила всю себя тренировкам. Но теперь...» Анан тихо усмехнулась, словно говорила сама с собой, и добавила: «Если я всю жизнь проведу без чувств, если мое сердце станет бессмертным, но останется чистой как белый лист бумаги, тогда такое бессмертие, такая божественная жизнь мне вовсе не нужна!»

Баако пробормотала: «Сестра, ты... что ты такое говоришь?»

Как будто не слыша ее слова, Анан вновь сказала сама себе: «Я знаю, о чем ты думаешь сейчас, сестра. Ты наверняка ругаешь меня за то, что я ничего не понимаю, не понимаю всех трудностей этой жизни, и все, о чем я прошу, это просто недостижимые мечты. Неужели ты думаешь, что я об этом не знаю? А что до страданий, то раньше я и правда терзалась из-за этого, но теперь уже отпустила все страдания. Он сказал, что его никогда не примут обратно, ну а я никогда не смогу также как он предать свою школу. Но даже если и так, я все равно прошу лишь о том, чтобы в моем сердце был человек, о котором я буду думать. И еще я знаю, что в его сердце тоже есть я. Пока это так, мое сердце будет спокойно».

Баако усмехнулась и сказала: «Неужели ты не понимаешь, что вы никогда не сможете быть вместе? Неужели тебе все равно?»

Лицо Анан впервые изменилось, как будто это спокойствие на миг исчезло, но потом опять вернулось. Подумав, она тихо сказала: «Конечно, мне не все равно, если бы было можно, я бы хотела всю жизнь быть с любимым, а кто бы этого не хотел? Но я понимаю, что это недостижимо, и потому даже не думаю об этом! Все равно, никто не знает, что будет потом, но... я никогда его не забуду».

Баако внимательно посмотрела на эту прекрасную девушку, в ночи ее красота расцветала словно лилия, одинокая и завораживающая.

Тогда Баако со вздохом сказала: «Все равно я давно поняла, что мне тебя не уговорить, завтра утром Мастер ждет тебя!»

Анан замерла и развернулась к ней. «Не то чтобы я не хотела пойти на поклон к Мастеру, но только если я пойду, она наверняка будет разгневана на меня».

Баако покачала головой. «Сегодня Мастер попросила меня позвать тебя к ней, чтобы поговорить о важном деле, так что не беспокойся ни о чем».

Анан с сомнением посмотрела на нее. «Поход в Южные Границы закончился, Зверь уничтожен, серьезной угрозы для сил Света больше нет, какое еще может быть важное дело?»

Баако, помолчав, ответила: «Это о возрождении клана Малеуса».

Анан содрогнулась, одновременно с этим в ее глазах мелькнуло необъяснимое выражение. Она спросила: «Что?»

Баако, увидев ее странную реакцию во взгляде, про себя вздохнула, но все же спокойно произнесла: «В последнее время мы постоянно получает известия о том, что остатки подлых тварей Малеуса, которые по слухам погибли в лапах Зверя, начинают возрождаться и набирать силы. К тому же, в Айне сейчас происходят внутренние смуты, и Мастер, кажется, тоже этим обеспокоена. Ты же знаешь, как она ценит тебя, наверняка она хочет поговорить с тобой об этом».

Анан, помолчав немного, кивнула. «Хорошо. Тогда завтра утром я отправлюсь на поклон к Мастеру».

Баако кивнула. «Ложись спать пораньше, мне нужно идти».

Анан тоже не стала больше ничего говорить и проводила ее до двери. Только уже уходя, Баако вдруг остановилась, повернулась и посмотрела на нее. «Сестра, если тебя что-то будет беспокоить, не надо держать это в своем сердце, я ведь твоя сестра, ты можешь поделиться этим со мной, все лучше, чем переживать это наедине с собой».

Анан мягко кивнула и тихо ответила: «Да, сестра, я поняла».

Баако, глядя на ее выражение, могла предугадать ее ответ, но с характером Анан, она наверняка ничего не скажет, даже если будет ужасно страдать. Баако печально улыбнулась и ушла в ночь.

Анан оперлась о дверной проем, провожая Баако взглядом.

Она медленно отвела взгляд, вновь посмотрев в темноту ночи, где шумели ветер и дождь. Мир вокруг был погружен в тишину, словно в нем сквозило уныние.

Ее взгляд как будто застыл, одурманенный этой ночью, только через долгое, долгое время она пробудилась от этого наваждения, молча развернулась и закрыла дверь в комнату.

Ветер и дождь остались за закрытой дверью.

Именно так, как говорилось в сведениях, получаемых людьми Айне, за тысячи ли от них Лисий Холм, когда-то спокойный и тихий, теперь превратился в оживленное шумное место. Множество учеников Малеуса вернулись в это место расположения клана Вим, когда-то установленные здесь запечатывающие заклинания были сняты, заброшенные тропы и проходы внутри холма были восстановлены под руководством старших учеников клана Вим.

В один прекрасный день последний оплот сил Малеуса, собравшийся в пустошах, в Священном Зале, под предводительством Мастера Вим вернулся обратно на Центральную Равнину.

С маленьким и большим багажом, длинной вереницей, которой не было видно конца, словно стая муравьев, идущая издалека, ученики передвигались к Лисьему Холму. Больше всего внимания привлекали огромные клетки, которые несли ученики Малеуса на расстоянии в несколько десятков чжанов друг от друга, накрытые плотной серой тканью, из-под которой время от времени слышалось жуткое низкое рычание, полное гнева и злобы. Но почему-то в нем почти не было силы, как будто это рычало ужасно уставшее, измотанное дикое животное.

Эти огромные таинственные клетки очень быстро были доставлены учениками Малеуса к подножию Лисьего Холма, а затем и внутрь, через огромный вход в пещеру, которая была создана теперешним Мастером Вим. В воздухе осталось только улетающее вдаль эхо от низкого рычания монстров из клеток, и еще откуда-то взялся странный запах крови, который поднялся в воздухе вокруг и распространился с ветром.

Мастер Вим стоял внутри Лисьего Холма рядом со входом в пещеру и провожал взглядом последний груз в огромной клетке, на его лице не было никакого выражения.

С первого взгляда он совсем не изменился, только прибавилось седых волос на голове, кроме тех, которые уже побелели из-за дочери.

За его спиной стояли двое, Нигири с вуалью на лице, безмолвная и спокойная, и также полностью спрятавший лицо за черной тканью Призрачный Господин.

После того, как почти все ученики Малеуса вошли внутрь холма, несколько из них торопливо подбежали к Мастеру с докладом об этом, Мастер Вим молча выслушал их, ничего не сказал в ответ, а только кивнул, и ученики быстро убежали прочь. Согласно молчаливому приказу Мастера, огромный камень на входе опустился вниз, оставив последний луч солнечного света снаружи.

Мастер Вим в темноте легко вдохнул знакомый запах сырого пещерного воздуха.

В темном коридоре внутри холма постепенно зажглись огни, это ученики Малеуса по очереди

зажигали висящие на стенах масляные лампы, в знакомом сумрачном свете стали появляться длинные тени.

Нигири подошла ближе за спиной Мастера и тихо спросила: «Мастер, не желаете ли видеть Зевула?»

Взгляд Мастера Вим сверкнул. «После того, как мы вернулись, я его так и не встретил, где он сейчас?»

Нигири понизила голос: «Он все время был в комнате Лазурии».

Шаг Мастера Вим, который он собирался сделать, вдруг застыл, через секунду раздался его голос: «Я пойду туда, вам нет нужды следовать за мной».

Нигири согласно кивнула и проводила взглядом силуэт Мастера Вим, пока он не исчез в темном коридоре впереди.

Она обернулась и вдруг невольно вздрогнула, та призрачная тень за ее спиной тоже в какой-то момент испарилась. Изысканные брови под вуалью Нигири поползли вверх, а в глазах отразилось задумчивое выражение.

В коридоре снаружи ледяной комнаты внутри Лисьего Холма было совсем не так оживленно, как на входе и около комнат учеников, здесь вообще редко появлялись люди, и царила почти абсолютная тишина, возможно, некоторым людям казалось, что это место и должно быть тоскливым и тихим!

Мастер Вим очень долго стоял снаружи ледяной комнаты, глядя на каменную дверь. Почему-то он все не протягивал к ней руку, толстый камень стоял перед ним стеной, но его взгляд как будто смотрел сквозь него.

За каменной дверью, среди льда и холодного воздуха, все еще лежала его дочь?

Неужели даже такой сильный характером человек мог проявить слабость, не решаясь предстать перед образом своей собственной дочери?

Неизвестно, сколько прошло времени, оно текло очень медленно, как вдруг Мастер Вим пошевелился, медленно вытянул руку и толкнул дверь. Прозвучал мрачный скрежет камня, и тяжелая дверь распахнулась перед ним.

Волна холодного воздуха из-за двери тут же ударила в лицо, наружу за дверь пробились струйки ледяного пара.

Мастер Вим вошел внутрь, каменная дверь вновь захлопнулась за его спиной.

Все вокруг осталось таким же, как прежде. И спокойно лежащий на ледяном ложе силуэт, и даже сидящий рядом мужчина, тень которого также неотрывно была связана с этим местом в воспоминаниях Мастера Вим.

Зевул даже не повернул головы, чтобы посмотреть на него, он все еще смотрел только на Лазурию. Но Мастер Вим ничего ему не сказал, только молча подошел к другому краю ледяного ложа и посмотрел на дочь.

Лазурия все также спокойно и удовлетворенно улыбалась ему с ледяного ложа, ее руки были скрещены на груди, а таинственный эспер Малеуса - Колокольчики Хаккан, покоились у нее в ладонях.

Легкое золотистое сияние исходило от колокольчиков, неровным светом освещая руки Лазурии. В тишине ледяной комнаты в какой-то момент могло послышаться тихое эхо, похожее на чистый звон, но стоило внимательно прислушаться, и найти источник этого звука не удавалось. Только легкое сияние от колокольчиков, словно нежный взгляд, смотрело на двоих мужчин внутри ледяной комнаты.

«Меня не было столько дней... как она?» Тихо спросил Мастер Вим, его взгляд с момента появления внутри комнаты не отрывался от дочери.

Зевул медленно поднял глаза на Мастера Вим, который тоже перевел взгляд с Лазурии на Зевула.

Взгляды двоих мужчин встретились в воздухе, словно беззвучные молнии.

Между ними мягко переливалось свечение Колокольчиков Хаккан в руках Лазурии.

«С ней все хорошо», поднявшись, сказал Зевул.

Мастер Вим кивнул. «Пока ты здесь, я могу быть спокоен».

Он помедлила и добавил: «В этот раз в Южных Границах... ты нашел что-нибудь об Искусстве Возвращения Души?»

На лице Зевула промелькнула боль, он покачал головой. Мастер Вим молча опустил голову и посмотрел на Лазурию, раздался его легкий вздох. На самом деле Зевул в этот раз отправился в Южные Границы по приказу самого Мастера Вим - найти следы Зверя и добыть волшебного зверя Тотетсу, отобрав его у Зверя. Но только сейчас они оба как будто забыли об этом.

В каменной комнате снова повисло молчание.

В итоге лицо Мастера Вим стало серьезным, он спокойно сказал: «Мне еще нужно обсудить с тобой несколько важных дел, но только не здесь, давай лучше выйдем!»

Зевул кивнул и не стал возражать, только бросил еще один взгляд на Лазурию, в его взгляде почему-то мелькнуло чувство вины, затем он развернулся и вышел из комнаты. Мастер Вим последовал за ним, тяжелая дверь медленно закрылась за ними, внутри ледяной комнаты вновь воцарилась тишина и остался только легкий блеск переливающихся Колокольчиков Хаккан.

Двое мужчин плечом к плечу пошли по широкому коридору, по дороге им встречались ученики кланов Малеуса, которые тут же расходились по обеим сторонам тропы и склоняли головы в приветствии. Звук их шагов эхом раздавался по коридору.

Повернув несколько раз, они пришли к покоям Зевула, Мастер Вим посмотрел на него, словно что-то почувствовал, Зевул нахмурился, но не ответил Мастеру Вим взглядом, только немного помедлил, и затем толкнул дверь комнаты.

Они вошли внутрь.

«Чичичи, чичи...»

«Rrrrrrrr...»

Среди знакомого верещания обезьянки Аша слышался странный звук рычания, когда-то неотрывно следовавший за Зверем жуткий монстр Тотетсу в этот момент лежал на полу посреди комнаты Зевула. На вид он был как будто утомленным и не желал двигаться, только лениво закрыв глаза лежал на месте.

Что до Аша, он как всегда был в своем обычном настроении, скакал вокруг Тотетсу, гладил его, играл с ним, то дергая монстра за хвост, то забираясь ему на голову, и даже иногда мог положить лапу ему в пасть, вытащить язык Тотетсу и с интересом разглядывать его.

Судя по поведению Аша, он хотел заставить Тотетсу развеселиться, поиграть вместе с ним, но очевидно, что его старания пока не возымели никакого действия.

Когда Зевул и Мастер Вим вошли, Тотетсу словно даже и не заметил этого, он все также продолжил лениво лежать на полу. Только Аш издал радостный крик, в два прыжка забрался Зевулу на плечи и обвил хвостом шею хозяина.

Зевул погладил Аша по голове и спокойно сказал Мастеру Вим: «Это он».

Мастер Вим ничего не сказал, только посмотрел на лежащего на полу Тотетсу. В уголке его рта медленно появилась легкая улыбка, но только в ней крылся какой-то непостижимый страшный смысл.

<http://tl.rulate.ru/book/13084/396739>